

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	56
Глава 6	65
Глава 7	74
Глава 8	86
Глава 9	94
Глава 10	105
Глава 11	113
Глава 12	123
Глава 13	143
Глава 14	152
Глава 15	161
Глава 16	181
Глава 17	193
Глава 18	204
Глава 19	220
Глава 20	228
Глава 21	236
Глава 22	244
Глава 23	255
Глава 24	264
Глава 25	274
Глава 26	282
Глава 27	293
Глава 28	299
Глава 29	310
Глава 30	320
Глава 31	330
Глава 32	339

! Ça ira! Ça ira! Ça ira!
Les aristocrates à la lanterne
Ah! Ça ira! Ça ira! Ça ira!
Les aristocrates, on les pendra!

Ах, дело пойдёт! Дело пойдёт на лад,
Аристократов на фонарь!
Ах, дело пойдёт! Дело пойдёт на лад,
Аристократов повесят!

*Песня из репертуара
Эдит Пиаф*

Предисловие

Передо мной на столе перо, чернильница и чистый лист бумаги. Сейчас я привычно возьму перо в руку, обмакну его в чернила и начну писать. Зачем? Зачем вообще люди пишут воспоминания?

Поделиться опытом, предостеречь потомков от повторения ошибок?

Смешно. История еще никого и ничему не научила, каждое поколение с завидной изобретательностью умудряется совершать собственные глупости.

Поведать потомкам подробности событий, когда-то потрясших мир?

Ерунда. Умные и дотошные ученые предпочтут исследовать горы документов, сопоставить их с другими, пылящимися в десятках архивов государственных и сотнях архивов семейных, обязательно учтут данные статистики и... как это... ах да, макроэкономические индикаторы ведущих европейских государств конца XIX — начала XX века от Рождества Спасителя. Чтобы объяснить произошедшее и даже доказать его объективную неизбежность.

Они уже это делают, я читал их труды. Там все логично, до тошноты подробно и до отвращения научно.

Нет одного. Ни в одном из них ни слова не сказано о маленьком испуганном мальчишке, брошенном в огонь сжигавшего Галлию пожара. О его страхе, его боли, его надеждах.

Впрочем, может быть, я и не прав, а убежденные сединами великие полководцы и политики действительно желают если не спасти, то хотя бы улучшить наш мир. Но не я. Не я.

Не потому, что равнодушен, а потому что устал. Ничего уже не хочу, ничто не приносит мне счастья.

Кроме снов, где я вновь юн. Там я пугаюсь, там я страдаю и там я мечтаю. Там я живу.

Поэтому я беру в руки перо, мечтательно улыбаюсь и готовлюсь написать первое слово. Желая наяву пережить прошлое, увидеть лица тех, кого любил, и даже тех, кого ненавидел. Они тоже имеют право на память!

Итак...

Глава 1

С чего все началось? С моего рождения? О да, во всех ученых манускриптах это событие отмечено как одно из главных. Еще бы, рождение единственного сына короля Галлии, наследника престола, надежды подданных и прочая, прочая, прочая.

Только мне-то что с того? Так же, как и дети крестьян, я плакал, кричал по ночам и пачкал пеленки. Да, шелковые и всегда белоснежные, но вряд ли приносившие большее счастье, чем простые сатиновые.

С появления Национального собрания и его требования к моему отцу об ограничении королевской власти?

Побойтесь Создателя, какое было дело до всего этого семилетнему мальчишке, увлеченному детскими играми, озабоченному невыученными на завтра уроками и ожидаемым за это наказанием.

Нет, пожалуй, все началось в сентябре 1792 года, когда отец, наверняка понимая, в какое болото сползает его страна, закрыл Военную академию Бретони, располагавшуюся в маленьком городишке Клиссон. Небольшую, не более тридцати человек на курсе, но славную тем, что она единственная в Европе целенаправленно готовила военных разведчиков, а обучались в ней исключительно лучшие представители галлийского дворянства, прошедшие жесточайший отбор.

И тогда же было решено перевести в Островную империю Магическую академию. До этого не одну сотню лет там, на северном побережье Галлии, близ города Морле, веками учились колдовать дети — истинные маги, прибывшие из всех стран Европы. Академия пережила множество войн, ни на день не остановив учебу, но того, что в ближайшее время ждало нашу несчастную страну, могла и не выдержать.

К тому же наука и новое оружие во многом изменили отношение к магии в обществе. Мощные дальнбойные пушки, сотнями участвующие в сражениях, ружья в руках тысяч и тысяч обученных солдат, уменьшили значение боевых магов на поле боя, и, кажется, скоро вовсе сведут его на нет.

По-прежнему остались востребованы маги-врачи, маги природы и искусства, но и там технический прогресс уже заставляет волшебников понемногу сдавать позиции.

Будущим магам, наследникам еще недавно самого могущественного сообщества людей, видно, мало было этих перемен, когда на них обрушилась новость: академия переезжает в другую страну.

Через галлийские деревни и города, где крепла ненависть народа к дворянам, среди которых только и рождаются истинные маги.

В наше время, по мере того как магия постепенно превращается из таинственного, никому не понятного искусства в науку, интерес к ней падает. Поэтому не все читатели знают, что способность творить заклинания имеется у всех дворян, но только мужчин, в чьих жилах нет крови простолюдинов, но истинно способные к настоящему волшебству дети рождаются крайне и крайне редко. Потому Магическая академия тогда, да и сейчас, всего одна на всю Европу.

* * *

После завтрака Магическая академия, расположившаяся на южном побережье Ла-Манша неподалеку от города Морле, выстроилась на плацу.

Четыре факультета — боевой, медицинский, природный и искусств, на каждом по восемь классов. Всего — четыреста пятьдесят семь учеников. Все они стояли, ожидая выступления ректора.

Солнечный день, шелест едва начавшей желтеть листвы каштанов, дубов и буков, веками растущих среди древних, увитых плющом зданий учебных корпусов и общежитий. Легкий ветерок, доносящийся с побережья шум прибоя. И скука, нормальная скука здоровых детей, вынужденных торчать на осточертевшей за годы учебы площадке, чтобы выслушать очередные нотации древнего старика-ректора, каким им виделся крепкий и энергичный пятидесятилетний мужчина с редкой сединой в волосах и с короткой, по последней моде постриженной бородкой. В традиционном здесь длинном белом плаще и широкополой, такой же белоснежной шляпе.

Слава Спасителю, начал говорить. О чем на этот раз?

— Господа ученики! Ставлю вас в известность, что наша академия переезжает в Островную империю!

— Как? Зачем? Почему?! — покотился по рядам гулкий ропот.

Ректор, словно не замечая его, продолжил громким, усиленным магией голосом.

— Решение принято правителями всех стран, пославших к нам своих учеников, можете сколько угодно его обсуждать, но выполнить обязаны! Отъезд через три дня. К этому времени вам надлежит собрать свои вещи, упаковать в чемоданы, которые будут выданы через час после окончания построения, и к вечеру послезавтрашнего дня сложить их в главных залах соответствующих общежитий. Отъезд, как я и сказал, через три дня. Разговоры в строю!

Обсуждение, покотившееся было по рядам учеников, особенно бурное среди старшекурсников, стихло мгновенно.

— В дороге, вплоть до прибытия на место, категорически запрещены любые заклинания! В любой ситуации и по любому поводу. Предупреждаю сразу, что возможны провокации со стороны местных жителей, в особенности в период следования по территории Галлии. Не отвечать! Даже не защищаться магией!

Совсем? А если какой-то кретин начнет камнями кидаться? По рядам учащихся вновь побежал гул.

— Все пройдет без происшествий! — поспешил успокоить всех ректор. — Вы будете под надежной охраной.

Ну тогда все в порядке. В охране академии известные мастера. Ловить проштрафившихся учеников. Но на что они годятся в действительно опасной ситуации? А то, что опасность реальна, очевидно даже первоклашкам.

Иначе никто бы сейчас никуда не уезжал. Не бежал, точнее.

— К вашей охране привлечены курсанты клиссонской академии! — прозвучал главный аргумент.

Помогло. Таинственные клиссонцы, отобранные по всей Галлии, лучшие из лучших, легенда. Они, будущие, несомненно, герои, обученные военному делу по загадочным методикам и пуще жизни берегущие свои секреты. Тайна академии для них свята, это известно всем.

Расходясь на никем не отмененные занятия, обсуждали обе новости. Причем для старшекурсников главной была первая, для всех остальных — вторая.

Поэтому, когда на следующий день во двор въехала рота кавалеристов в известных на всю страну ярко-желтых плащах, оторвать учеников от окон не смог ни один преподаватель. Кажется, даже магия ничем не помогла, пришлось сделать незапланированный перерыв. Мальчишки, а заклятья, как известно, доступны только мужчинам, выбежали на улицу, чтобы первыми полюбоваться на гостей, оценить уверенность кавалерийской посадки и великолепные стати боевых коней.

Спокойными, однако, в чем-то даже насмешливыми, выглядели старшие ученики боевого факультета, сами без пяти минут лейтенанты. И самый насмешливый взгляд был у единственной на всю академию девушки — Селесты. Герцогини де Ла Гер — дочери одного из хранителей, единственных в мире людей, у кого способность к магии передается и по женской линии.

Она смотрела на гостей вместе с однокурсниками, но, пожалуй, более внимательно, словно хотела кого-то отыскать в этом безупречно четком конном строю. Кажется, безуспешно, потому что в конце концов равнодушно пожала плечами и, как и все, возвратилась в класс к уроку по фортификации.

— Стой! Нале-во! Равняйся! — раздались тем временем зычные команды. — Огладить лошадей!

С головного коня лихо, не касаясь стремян, соскочил всадник и, печатая шаг, подошел к вышедшему для встречи ректору, вскинул руку в воинском приветствии.

— Господин ректор, личный состав Военной академии Бретони прибыл для выполнения поставленной задачи. Прошу предоставить места для отдыха курсантов и лошадей. Докладывает начальник академии дивизионный генерал де Мулен!

Грозный и всегда уверенный в себе ректор, кажется, растерялся впервые в жизни.

— Да-да, конечно, для ваших людей все готово, даже обед ждет, и коней сейчас разместим. — И, словно извиняясь за минутную слабость, гаркнул громовым голосом: — Принять лошадей, отвести в стойла, обеспечить уход!

По окончании уроков Селеста пообедала в академической столовой, поленившись ехать в «Кабанью голову» — несмотря на грубое название, лучшую таверну Морле, славящуюся самой изысканной кухней. После обеда направилась к двухэтажному старинному и чрезвычайно комфортному общежитию боевого факультета, рассчитывая отдохнуть в своей комнате, со всеми положенными единственной девушке и герцогине удобствами.

Широкая дорожка, мощенная булыжниками, до блеска отполированными десятками поколений учеников, пролегла меж высоченных вековых каштанов, в тени которых прямо на траве группками сидели ученики. По пути привычно отбивалась от осточертевших уже разнообразных изъявлений приязни, варьирующихся от просто уважительных до приторно подобострастных. Что делать, высокое происхождение всегда влечет подобные проблемы. Ну их, надоели!

Все они надоели, кроме де Савьера. Вот с ним ей и впрямь интересно. Весел, остроумен, а главное — небанален. А еще — искренен, что редкость и здесь, в академии, и уж тем более в высоком обществе, среди которого Селесте предстоит провести всю оставшуюся жизнь.

Влюбиться бы в него! Де Савьер — ее первый мужчина... это было бы замечательно, несмотря на то что, во-первых, юноша моложе ее на курс и на год, а во-вторых, всего лишь шевалье. Вроде бы не пара, но на это можно было бы наплевать, герцогиня она, в конце концов, или кто!

Хуже другое — нельзя. Нельзя, и все. С любым другим можно, но не с ним. Вот ведь беда-то какая получается. Так что к себе, к себе, подальше от докучливых однокашников!

Но у входа в общежитие Селеста задержалась, засмотревшись на стоявших около парадного входа молодых людей в ярко-желтых плащах-казакинах. Двенадцать человек, постарше ее, но ненамного.

Девушка тоже не осталась незамеченной.

— Насколько я понимаю, герцогиня де Ла Гер? Позвольте представиться... — обратился к ней один из клиссонцев, самый высокий, стройный и широкоплечий.

Впрочем, его имя девушка привычно проигнорировала. Много их таких было, а будет еще больше. Небрежно протянула руку для поцелуя, обозначила вежливую улыбку и пробурчала нечто благожелательное. После чего все же решила пройти к себе. Уже отвернулась и сделала первый шаг.

— Момент, герцогиня. — А вот это уже куратор ее класса, игнорировать его слова настоятельно не рекомендуется. — Прошу задержаться. Все собрались? Тогда, класс, прошу внимания! Позвольте представить отделе-

ние клиссонских курсантов, которому поручена ваша охрана.

Ну да, ректор же предупреждал. Стало быть, эти. Они хоть что-нибудь умеют? По сравнению с почти полноценными магами?

— Барон... шевалье... виконт...

Куратор называл курсанта, тот делал шаг вперед и вскидывал руку в воинском приветствии. Только Селесту они не заинтересовали. А тот красавец, оказывается, граф. И не лень ему на занятиях шпагой размахивать, или чему там еще его научили? Она послушно простояла на этом представлении, демонстративно разглядывая пол, подняв взгляд лишь в самом конце, когда прозвучало:

— Барон де Безье!

Тот самый? Нет, разумеется, слишком молод. Родственник? Возможно. Не герой и не красавец, хотя и не урод. Среднего роста, среднего телосложения, со средним лицом. На приличном балу этот кавалер определенно не вызовет зависти у светских львиц, ни за что не разбудит их охотничий инстинкт.

Серость и, очевидно, посредственность. Но все же интересно, кто же он? Тот, настоящий, — полковник, хотя тоже служит в Клиссоне. А этот кто? А что если...

И герцогиня создала заклятье длинного уха, только не то простенькое, общеупотребительное, которому учат на младших курсах. Нет, она создала заклятье высшего уровня, его не способен увидеть ни один, даже самый сильный маг.

Дело за малым, его следует привязать к объекту, для чего требуется до него, то есть до объекта, дотронуться. Точнее — до кожи. Ну не целовать же эту серость, в самом-то деле. Тогда как?

Для начала надо снять перчатки. Потом... что потом? Барон тоже в перчатках и снимать их не собирается.

Вообще голые руки — моветон, а уж соприкасаться мужчине и женщине без риска потери уважения можно лишь в одном случае — у алтаря, чтобы надеть друг другу обручальные кольца.

Селеста представила себя у алтаря рядом с бароном: бр-р-р!

Но любопытство! Оказывается, оно великолепно стимулирует мозг. Особенно женский.

Церемония представления окончена, и курсанты пошли на выход. И этот, разумеется. Смотрит по сторонам, но ни малейшего внимания на нее. Мужлан, солдафон деревянный!

Ну, погоди. Вот он подходит, весь из себя такой задумчивый... на! И стройная ножка в изящной туфельке оказалась подставлена под грубый солдатский сапог. Де Безье успел среагировать, отвел ногу, но все же чуть-чуть, но задел туфлю.

— Вы невежа, сударь! — И после звонкой пощечины дамская пятерня оставила яркий след на гладко выбритом лице.

Возмущение? Хотя бы удивление? Если бы. Лишь невинтное «Извините», и увалень в желтом плаще продолжил свой путь как ни в чем не бывало.

Вот же тюфяк! Хорошо хоть заклятье прилипло к нему как мокрый лист. Прямо к щеке, хи-хи.

Бегом к себе! Слушать-слушать-подслушивать!

Ничего интересного. Вначале клиссонцы прошли инструктаж по действиям в охране. Деловой, надо отметить, и вполне разумный. Потом отправились в конюшню, ну там кроме конского ржания да лошадиного хрумканья ничего слышно не было.

Затем — отдых и болтовня молодых мужчин, истосковавшихся по женскому обществу. Тьфу, гадость какая. Но что это?

— Курсант де Безье, к начальнику академии!

Оп-па! Интересненько...

— А где...

— Это я тебя вызывал. — Голос человека, явно намного старше курсанта. — Тебя подслушивают. Ты знаешь?

Ты-то откуда знаешь? Это же невозможно.

— Это наша герцогиня повесила. (Наша?! Ах ты...)

Разорвать?

— Не надо. Секунду...

Закрытие пропало! Что? Как? Да чтоб тебя! Восстановилось!

— Ваше сиятельство, — продолжил тот же голос, — разговор обязан остаться между нами. Если не уверены в отсутствии свидетелей, разорвите связь немедленно.

Да как они смеют! Но, черт возьми, как они могут?

— Послушай, сын. (Все-таки сын!) Я получил два взаимоисключающих приказа короля. Первый — обеспечить безопасность наследника престола, стать его личным охранником. Второй — охранять нашу слушательницу и де Савьера, который тоже учится сейчас в магической академии.

— Но нельзя находиться в двух местах одновременно, — ровным, даже скучающим голосом отметил молодой барон. Точно, тюфяк и меланхолик.

— Именно так, поэтому я и направил запрос королю. Но пока ответа нет — действует правило: исполняется приказ, полученный последним. Значит, я еду с ними. А наследником будешь заниматься ты.

— Я?! Но...

— Никаких «но». После того как юные маги погружаются на ожидающий их корабль, курсантам будет зачитан приказ о ликвидации клиссонской академии. Все вы будете уволены из армии, но не освобождены от известных тебе обязательств. Однако ты уедешь уже сегодня.

— Куда и зачем? — Вопрос был задан тем же почти равнодушным тоном.

— Отвечу, но после того, как мы останемся вдвоем. Извините, герцогиня.

И заклятие верхнего уровня, доступное лишь уникальным, самым искусным истинным магам, исчезло. Будто паутинку небрежно унесло свежим утренним ветерком.

Да что происходит вообще?!

Это была последняя связная мысль, после чего тело скрутило. Боль, как попавший в жилы огонь, проникла в каждую кость, каждую мышцу, каждую клетку девичьего тела. Ломало суставы, раздирало внутренности, глаза перестали видеть, мир затмила сплошная кровавая пелена.

Боль и одна мечта — умереть! Или хотя бы потерять сознание. Не вышло, молодой организм отказывался отдавать тьме контроль над собой.

На дикий вопль прибежали люди, что-то с ней делали, куда-то несли, на что-то уложили. Вскоре пришел... сон. Самый обычный, в котором были родители, оба старших брата. Они улыбались, говорили, что она сильная и у нее непременно все получится. И почему-то прощались.

Селеста проснулась без сил, но и без боли. Не хотелось двигаться, разговаривать, да она даже дышала сейчас только потому, что надо.

Рядом, прямо за дверью, разговор.

— Я не знаю, что с ней. Наши врачи бессильны, — раздался взволнованный голос ректора.

— Ничего делать и не надо, уже завтра все будет в порядке.

— Вы не врач!

— Конечно. Но симптомы мне знакомы, такое я уже видел, и все всегда заканчивалось хорошо. Вы позво-

лите мне посидеть с герцогиней? Если ей станет хуже, клянусь, я сразу же позову вашего врача.

Селеста представила, как ректор пожимает плечами.

— Да сидите пожалуйста. Все равно хуже уже не будет.

И тут же раздались шаги уходящего по коридору человека. А в палату вошел мужчина в форме пехотного полковника. Придвинул к кровати девушки стул и сел на него грузно, как после тяжкого труда. Серьезно посмотрел герцогине в глаза.

— Я — полковник де Безье, хранитель. Я знаю, девочка, как тебе тяжело.

Они похожи, отец и сын. Этот такой же невзрачный и скучный, вот только глаза... в них хочется смотреть и смотреть. И всего лишь от его взгляда почему-то уже становится легче.

— Что со мной?

— Ну как тебе объяснить... понимаешь... я хочу сказать... — неожиданно замямлил полковник. И тут же словно бросился с моста в ледяную воду: — Ты стала хранителем.

А-а. Тогда понятно. Стоп! Но папа?! Братья?! Если умирает хранитель, его место занимает старший ребенок! Старший. И если она, то они...

Де Безье склонил голову.

— Прими мои соболезнования. Я не знаю, что произошло, но отныне в твоей семье нет никого старше тебя.

Нет! Не хочу! Не желаю!!!

Он просидел у ее постели до утра. Держал за руку, гладил по голове, как, наверное, гладил бы свою дочь. Молчал. И за это молчание она осталась благодарна навсегда.

Выехать на похороны ей не разрешили, сославшись на требования безопасности. Сказали, что хранитель не смеет ставить свои желания, даже такие, выше интересов

страны. Разрешили лишь отстоять на заочной прощальной службе, проведенной местным священником.

Рядом молился де Савьер. Его не пустили в госпиталь, но после он не отходил от нее ни на шаг. Потому что, как выяснилось, год назад он тоже пережил и гибель отца — мага королевского флота, и те же муки принятия судьбы истинного хранителя. Море, оно равнодушно. Ему безразлично, кого заключить в свои объятия: простого матроса, адмирала или великого мага. В его глубинах найдется место для всех.

Когда уезжали в Нант, Селеста случайно услышала, как полковник де Безье сказал остающемуся в Моле сыну, что будет выполнять последний приказ, останется охранять герцогиню и шевалье.

Или неслучайно? Может быть, в это хотелось верить, полковник хотел поддержать девушку, показать именно ей, что в этом жестоком мире она не одинока.

Глава 2

Да, именно в те дни и именно в Морле определилось многое.

Но все же лично для меня прозвучал и еще один звонок, предвестник грядущих перемен, на который непременно обратил бы внимание взрослый и бывалый человек. Жаль, что одиннадцатилетний мальчишка его вообще не заметил. Может быть, тогда и можно было что-то изменить. Или нет?

Годом ранее

— Эх, ну почему я не принц! Нет, правда, Лу, почему, а? Нет-нет, ты не отворачивайся, ответь, чем я хуже? Ростом выше и красивше, это уж точно. Вот, погляди: «Слуги, подайте мне плащ и шляпу, гулять желаю!» — Тут раздался женский смех, а рассказчик, лишь на мгно-